

Почему мёртвые пытаются убить живых? Из-за ненависти?

Стремятся ли они осквернить живых, втянуть их в то же бесконечное мучение, что из себя представляет их жизнь? Завидуют ли они тем, кто ещё дышит? Или это просто великая тайна? Может быть, нежить просто хочет, чтобы другие присоединились к ним, пополнили их бесконечное число?

Возможно... скорее всего... мёртвые просто обижены на живых. Может быть, они помнят прошлое, и оно причиняет им боль. Или они понимают живых и хотят облегчить их страдания.

А может быть, они просто знают, насколько они уродливы, и не хотят, чтобы кто-то на них смотрел.

Эрин закричала, когда почти полностью разложившийся гнолл приблизился к ней. У него не было лица. Ничего, для чего она могла бы использовать это слово. Только... гниль. Ужасные, чёрные внутренности, которые всё ещё дёргались и шлёпались друг о друга, пока он надвигался на неё.

Рука схватила зомби за остатки его головы. Совершенно не обращая внимания на гниль и прочее, что захлюпало вокруг его кулака, Кнайт крепко сжимал голову мертвеца, пока в ней что-то не хрустнуло и зомби не дёрнулся. А затем он стал неподвижным. Рабочий бросил труп на землю и отшвырнул его ногой. Он стоял, защищая Эрин, у входа в трактир.

Вокруг холма мёртвые сражались с живыми. Но криков не было. По крайней мере, антинумы не кричали. А вот мёртвые кричали. Они завывали, издавали жуткие сосущие звуки или иногда стонали, но именно крики пугали Эрин. Она чувствовала, что они не должны этого делать. Мёртвые должны молчать.

Но они не молчали. Если уж на то пошло, то это Рабочие больше походили на безмолвных жнецов. Они двигались в унисон, сражаясь, блокируя, образуя живую линию в борьбе с нежитью. Иногда они говорили, но с пугающим спокойствием.

— Умри.

— Страдай.

— Сгинь.

Два антинума схватили зомби – каждый за одну руку – и разорвали его на части. Другой Рабочий схватил скелет двумя руками и другими двумя вырвал ему рёбра.

Они сражались как машины. Беспощадные механизмы, которые разбирали нежить, словно ребёнок разбирал лего. Иногда это было чистое препарирование. В других случаях они просто

избивали трупы, пока те не рассыпались.

Но при всём этом они были как дети. Никто из Рабочих не умел сражаться. Они были чрезвычайно сильны, но неуклюжи. А нежить, может, и была сгнившей, но все мертвецы были убийцами.

Рабочий попятился назад, взмахнув руками, когда скелет скользнул вперёд и вскинул булаву над его головой. Мертвец ловко увернулся от Рабочего, когда тот попытался схватить его костлявую руку, и поднял булаву, чтобы разmozжить антинуму череп.

— Нет!

Скелет посмотрел вверх, и в его лицо врезалась летящая сковорода. Жёлтое пламя в его глазницах померкло, и антинум воспользовался моментом, чтобы схватить мертвеца.

Эрин посмотрела, как Рабочий разобрал скелет на составные части, и перевела взгляд на свою руку. Она даже не заметила, как бросила сковороду. Но по склону к трактиру поднималось ещё больше нежити.

— Держитесь позади меня, пожалуйста.

Кнайт оттолкнул Эрин назад, когда ещё больше мертвецов врезалось в строй антинумов, на этот раз - с тыла. Антиниумы дрогнули, пытаясь сдержать их натиск. Эрин увидела, как один из Рабочих поскользнулся и упал, когда его схватил гуль. Нежить начала рвать его.

У него было имя. Он сказал его Эрин. Магнус. Магнус, как Магнус Карлсен, имя, взятое у чемпиона мира по шахматам. Он упал, и Эрин увидела его кровь. Она была зелёной.

— Нет!

Девушка попыталась выбежать вперёд, но Кнайт схватил Эрин за талию и поднял её.

— Вы не должны. Вы не должны подвергать себя опасности. Мы здесь для вашей защиты.

Магнус упал, закрывая лицо. Эрин попыталась вырваться, но Кнайт её не отпускал.

— Он умирает!

— Да. Враг окружает нас. Мы находимся в невыгодном положении. Это нужно исправить.

Кнайт потянул назад Эрин и поднял руку. Он спокойно произнёс:

— [Защитная Формация].

Магнус отбросил гуля назад и поднял руку, не обращая внимание на зелёную кровь, забрызгавшую землю вокруг него.

— [Атакующая Формация].

После этих слов он беззвучно рухнул на землю, когда гуль закончил разрывать его экзоскелет. Дрейк-нежить вытащил что-то из Магнуса и открыл рот, чтобы проглотить это.

Яростный крик опередил банку с кислотой всего на секунду. Гуль попятился назад, царапая когтями лицо, пока кислота плавila его плоть. Он зашатался, и ближайший антинуиум спокойно ударил его шваброй, повалив на землю.

Эрин почувствовала, как на неё подействовали оба Навыка, подняла ещё одну банку с кислотой и бросила её. Она ощутила, словно стала легче... намного легче! И казалось, что у неё вдруг выросла пара глаз на затылке. Она чувствовала, где находился каждый мертвец вокруг неё, так же, как и чувствовала движения антинуиумов.

Они держали строй. Даже когда нежить побежала вверх по холму, Рабочие спокойно встретили её, нападая на отдельных мертвецов по двое и по трое. У антинуиумов не было чувства честного боя, и нежити было трудно защищаться от трёх групп по двенадцать рук, наносивших удары одновременно. И это в каждой.

Гуль проскочил мимо двух антинуиумов и бросился к Кнайту. Тот поднял меч, но мимо него проскочил скелет и ударил гуля ножом в грудь. Торен и гуль упали, нанося удары и кусая друг друга.

Эрин закружилась. Она схватила котелок и бросила его. Зомби попятился назад. У неё было... у неё было довольно много котелков и сковородок, которые она захватила с кухни, но они оказались на исходе. Она бросала их в толпу, полагаясь на свой навык [Безупречный Бросок].

Теперь нежить падала, отступая. Эрин наблюдала за тем, как зомби, разворачиваясь, бросились бежать прочь. Это был обман? Может быть, сюда приближалось ещё больше нежити? Она огляделась вокруг, высматривая движение в темноте.

Ничего. На данный момент нежити больше не появлялось... все они были мертвы. Торен отстранился от гуля и забрал у него свою руку, когда тот в последний раз дёрнулся.

Сколько монстров погибло здесь? Сотня? Двести? Казалось, что тысяча.

— Тридцать четыре, — спокойно сказал Кнайт, отбросив в сторону скелет, которому Эрин раскроила череп сковородой.

В наступившей тишине, после того как последний труп перестал двигаться, она уставилась на Рабочего.

— Что?

— Мы убили тридцать четыре представителя нежити. Остальные отступили. Полагаю, они вернутся в большом количестве.

Эрин уставилась на Кнайта, пока антинуум спокойно счищал кровь со своего меча. Рабочие вокруг неё помогали друг другу подняться на ноги, переносили тела вниз и... копали?

Да, не раненые Рабочие копались в земле. Грязь отправлялась в воздух, когда они принялись рыть длинную, широкую траншею вокруг трактира. Они строили ров. Ров.

— Что происходит? Что всё это значит?

Эрин перевела взгляд на мертвецов, затем посмотрела на Рабочих и наконец – на Кнайта. У неё кружилась голова, её тошнило. И не только от прошедшей резни. Всего несколько минут назад она ждала Рагс, а теперь здесь были Рабочие с именами и живые мертвецы.

И запах. Немного рвоты заполнило рот Эрин, но она не позволила желудку извергнуть ещё что-нибудь.

Кнайт снова склонил голову перед Эрин. Он был похож на Пауна, только... другой. Физически они были одинаковы, но, пусть у них были одинаковыми голоса и тела и оба называли себя в честь шахматных фигур, он был другим. Эрин не могла объяснить, почему или как. Она просто знала.

— Город Лискор и окрестности подверглись нападению, Эрин Солстис. Орда нежити вышла из Руин и осадила город около часа назад.

Эрин в ужасе уставилась на Кнайта. Ей пришлось силой заставлять свой рот шевелиться.

— Руины? Нежить? Ты имеешь в виду, что они пришли оттуда? Что-то заставило их...

Её сердце пропустило удар, а желудок сжался.

— О нет. Рога Хаммерада. Они вошли туда. Они?..

Кнайт покачал головой.

— Несколько авантюристов добрались до города живыми. Больше я ничего не знаю.

Эрин схватила Кнайта за плечи, не обращая внимание на жидкости, покрывавшие его панцирь.

— Минотавр там был? Кто-нибудь с острыми ушами? Эльфийка? Точнее, полуэльфийка.

Он снова покачал головой.

— Таких авантюристов замечено не было. Единственными выжившими были люди... Капитан одной из команд. Женщина в серебряных доспехах. И ещё несколько людей. Больше никого.

Эрин уставилась на Кнайта широко распахнутыми глазами. Её мысли слились воедино, а затем отключились. Кнайт кивнул.

— Мне жаль.

Теперь её стошнило. Эрин наклонилась и вырвала свой обед и ужин. Она почувствовала прохладную руку на своей шее, поддерживающую её, пока она задышалась и плакала. Кнайт помог ей подняться.

Эрин потребовалось несколько минут, чтобы вернуть... контроль над собой. Она плакала, бессвязно бормотала, сжимая руку Кнайта в мёртвой хватке, пока Торен не принёс ей воды. Она пила, плевалась, её рвало, она пила ещё и наконец остановилась.

Она не перестала паниковать. Агония в её сердце или ужасное чувство потери не исчезли. Но она на время загнала их внутрь себя, чтобы сосредоточиться на настоящем. Эрин посмотрела на Кнайта, пока антиниум изучал траншею вокруг её трактира, которая становилась только глубже.

— Что происходит? Сколько зомби в городе?

Он выдержал паузу, и другой Рабочий... Калабриан рассказал подробности:

— Бои усиливались, когда мы уходили. Более сорока тысяч оживших мертвецов напали на Лискор, и Стража сражается с ними на улицах.

Сорок тысяч. Эрин попыталась вспомнить, сколько стражников она видела у ворот или патрулирующих город. Их было довольно много, но против десятков тысяч нежити? Или даже больше?

Она повернулась к Кнайту.

— Мы должны... то есть можем ли мы им помочь? Насколько всё плохо?

Он покачал головой и жестом указал на трактир.

— Выходить отсюда было бы неразумно. Нежить заполонила луга и нападет на всё живое. Они пришли сюда и скоро нападут снова. Мы здесь, чтобы защитить вас, но вы должны остаться.

Эрин в ужасе уставилась на него. Она заикнулась, и голос её дрогнул.

— Я? Но... я всего лишь один человек. Почему я?

Он серьёзно посмотрел на неё. Чёрные фасеточные глаза пристально вглядывались в её лицо.

— Вы живы. Это всё, что им нужно.

— И что они там делают? Перегруппировываются?

— Да. Вы их видите?

Он указал, и Эрин выглянула наружу. Освещение было крайне слабым... звёзды и луна были единственными источниками света, но её глаза уже привыкли к темноте. Она вгляделась, и от увиденного все её внутренности похолодели от страха.

В лунном свете шли тёмные фигуры. Они заполнили равнины, медленно надвигаясь. Скопление фигур, окружавших что-то белое, приближающееся к трактиру.

— О боги. Их тысячи.

— Сотни. Они движутся к нам.

От слов Кнайта по позвоночнику Эрин пробежал холодок. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но затем замерла.

— Погоди. Что это за штука вдалеке?

Эрин прищурилась. Нежить окружала какую-то белую массу. Сначала она подумала, что это просто куча мертвецов, движущихся вместе, но это было что-то другое. Оно было далеко, но оно... приближалось?

— Это... гигантский слизняк?

Стража Лискора отступала, сражаясь, пуская стрелы в толпу нежити, произнося заклинания. Они боролись. Отступали.

Умирали.

Они были в меньшинстве и бились на всё более обширной территории. Ворота впустили нежить внутрь, как вирусы. Пока они сдерживали их на первых нескольких улицах, сражение шло ровно, возможно, даже в пользу защитников.

Но с прибытием Шкуродёра, сломившего их ряды, улицы оказались переполнены неиссякаемым притоком мертвецов. Всё больше и больше нежити спускалось в переулки, вынуждая Зевару оттягивать своих воинов всё дальше и дальше назад, чтобы их не окружили. И, по мере того как они это делали, масштаб битвы расширялся, пока в сражение не оказались втянуты десятки улиц, рассредоточив и так малое количество воинов ещё больше.

Признаком того, что битва шла тяжело, стало участие в ней мирных жителей. Их эвакуировали в южную часть города – детей и тех, кто не мог сражаться. Все остальные воевали. Те, у кого были классы, и даже те, у кого их не было.

Они бились. Дрейки, гноллы и немногочисленные люди, исцеляя себя зельями, заставляли врага платить за каждый шаг кровью. Но мёртвые были бескровны. И они продолжали прибывать.

Зевара и двадцать стражников бились на одной из главных улиц, пытаясь остановить поток мертвецов. Их было недостаточно, не для такого широкого прохода. Но перевёрнутые повозки перегородили часть улицы и сузили зону столкновения.

Проблема заключалась в том, что мертвецы перебирались через крыши, взбирались на стены, бежали по переулкам. Зевара направила лучников отстреливать как можно больше мертвецов, но защитников рано или поздно перебили бы, если бы не человек и дрейк, сражавшиеся впереди всех.

Фишес указал пальцем, и очередной гуль дёрнулся. Под его гнилой кожей позвоночник скрутился и сломался, и нежить беззвучно свалилась на землю. [Некромант] повернулся, и ещё больше мертвецов пало, словно с перерезанными нитями. На его счету было больше половины немёртвых тел, покрывающих улицу. Другая половина пришлась на долю Рэлка.

Дрейк стоял в центре толпы нежити и вращал копьё вокруг себя с такой скоростью, что за ним невозможно было уследить. Он разможил зомби голову древком своего копья, крутанул его вверх, чтобы раздробить челюсть скелету, увернулся от другого, ударил гуля достаточно сильно, чтобы сломать ему рёбра, а затем обезглавил зомби коварным ударом кончика оружия.

Зевара зарубила скелет и резко вдохнула, когда тот, падая, порезал ей руку. Она продолжила рубить мертвеца, пока свет в его глазах не померк, и заметила массивное существо, приближающееся к Рэлку со спины.

— Рэлк!

Главный Стражник крутанулся на месте и метнул своё оружие. Повелитель Склепа попятился назад с вонзившимся глубоко в грудь копьём. Рэлк бросился вперёд и схватился за древко. С рёвом он вырвал его обратно, отбросив гигантскую нежить назад. Повелитель Склепа упал на спину, и Рэлк начал наносить удары, пока раздувшееся существо не замерло.

Пошатываясь, он отступил назад и побежал к баррикаде, пока нежить пыталась его окружить. Стражники открыли небольшой проход, и, как только он оказался рядом с Зеварой, воины вновь сомкнули ряды и оттеснили мертвецов назад.

— Проклятье.

Рэлк ругался и кашлял, пока Зевара отступала вместе с ним. Его чешуя была покрыта чёрной желчью, и она тут же достала из одного из ящиков зелье и протянула ему.

Рэлк сделал один глоток зелья, выплюнул чёрную жидкость и выпил остальное. Он бросил пустую бутылку за баррикаду и кивнул Зеваре.

— Спасибо. Мне яд в рот попал.

Она нахмурилась, но не смогла вложить в свои слова ни капли силы, как это делала обычно.

— Будь осторожен. Если мы потеряем тебя, нас сметут.

Рэлк устало усмехнулся.

— Хэй, не волнуйся, Капитан Зи. Ни одна из этих тварей не сможет мне даже чешую поцарапать. Не будь их так много, это было бы всё равно что рыбку пожарить.

— Но их очень много, и они не перестают прибывать.

Зевара шипела от ярости, а её хвост бил по земле, пока она обводила всё рукой.

— Это бессмыслица. Они не собираются в одном месте и атакуют со всех сторон, словно настоящая армия. А та стража, что они поставили у ворот...

— Непохоже на них. Я знаю.

Глаза Рэлка сузились, когда он уставился в сторону открытых северных ворот. Несмотря на все их усилия, им не удалось взять их даже с его помощью. Мертвецы вокруг массивных каменных створок отказывались двигаться с места, а ворота были слишком громоздкими, чтобы закрыться самостоятельно. В обычных условиях их бы заперли задолго до того, как вражеские силы пересекли открытую равнину, но взгляд Шкуродёра, внушающий страх, обратил в бегство всех стражников.

— Это всё та проклятая кожаная тварь. Пока она рядом, они будут продолжать приходить. Если бы ты позволила мне пойти за ней...

Зевара укоризненно покачала головой.

— Ты не успеешь выйти за ворота, как они тебя окружают. А эта штука слишком сильна, чтобы ты справился с ней в одиночку.

Он взглянул на неё исподлобья.

— И что, мы собираемся оставить всё как есть? Я же сказал тебе, оно идёт за Эрин...

— Ты хочешь, чтобы я попыталась спасти одного человека в этом хаосе? — крикнула Зевара на Рэлка.

Он моргнул, и она продолжила:

— Что бы ни делала эта тварь, мы не можем выделить никого, кто бы преследовал её, не говоря уже о тебе. Если бы мы знали, что она задумала, тогда, может быть...

— Ждёт.

Зевара и Рэлк повернулись. К ним, пошатываясь, направлялся Фишес. Его лицо было бледным, а волосы и одежда покрыты подтёками пота. Он подошёл к тележке с флягами воды и стал жадно пить.

Капитан Стражи оглянулась на сражающихся. Без Рэлка и Фишеса воинов уже начали оттеснять назад.

— Нам нужно, чтобы ты продолжал использовать заклинания, человек. Если ты не можешь, у нас есть много зелий маны...

Фишес взглянул на Зевару.

— Зелья не лечат истощение. Даже мои эффективные заклинания взимают с меня плату. Мне необходим отдых.

— Я пойду. Яд уже вылечился.

Сказав это, Рэлк помчался к одной из повозок и прыгнул. В полёте он пнул скелет, который пытался перелезть баррикаду, и, приземлившись с другой стороны, замахал копьём с такой скоростью, что его образ размылся. Фишес выпил ещё воды, и они оба принялись наблюдать, как Рэлк продолжил сражаться.

Зевара взглянула на Фишеса.

— Что ты имел в виду? Это существо ждёт?

Он кивнул и вытер рот.

— Очевидно, что эти мертвецы в каком-то смысле защищают его. Возможно, у него есть контроль над мертвецами или способность к сотворению заклинаний... независимо от этого, они служат удобной смазкой для клинка, пока оно забирает кожу для собственного пропитания.

— Тогда почему оно отступило?

— Опасность. Как я уже говорил, ваш Главный Стражник представляет реальную угрозу. Оно осознало это и отступило. Оно позволит нежити продолжать сражаться, пока мы не выдохнемся, а затем оно вернётся. Помните: с каждым павшим в битве у него появляется ещё один приспешник, которого он сможет использовать против нас.

Зевара нахмурилась.

— А разве оно не забирает кожу у всех? Если от тел остались только кости и внутренности, они не могут возродиться.

Фишес пожал плечами.

— Должен быть верхний предел того, сколько, хм, плоти, может унести это существо. Предполагаю, что остальных оно оживляет или хранит на потом, отсюда и нежить. Повелители Склепа, скорее всего, являются побочным продуктом такого подхода. Так много мёртвых, собранных вместе на такой долгий срок...

— А почему девушка? Почему та Эрин, о которой вы говорили? Она важна?

Фишес снова помедлил, и Зевара подумала, не собрался ли он солгать. Когда он заговорил, то делал это с явной неохотой.

— ...Нет. Скорее всего, она вообще не важна. Просто так устроено это существо. Оно уничтожит всё живое в округе и окружит город своей армией. Без сомнения, оно её чувствует и хочет устранить любую возможную угрозу.

— Что ж. Если так, то у нас, возможно, есть время.

Фишес открыл рот, посмотрел на Зевару и закрыл его.

— Да. Возможно. Но если нежить не иссякнет, нас вскоре перебьют.

Она знала, что эти слова были правдой. Зевара покачала головой. Она подняла меч, чувствуя усталость в руке. Из её рта вырывались струйки пламени, когда она заговорила:

— Пей зелья, какие тебе нужны. Отдыхай, если необходимо. Но быстро возвращайся к использованию заклинаний, маг.

Она побежала обратно к стражникам, которые с трудом сдерживали натиск зомби. Фишес посмотрел ей вслед и покачал головой. Он сделал несколько быстрых шагов назад, а затем направился к куче трупов, которых лучники сбили с крыш.

Скелеты, гули и зомби разбивали себе головы и ломали кости, когда стрелы сбивали их вниз. Но стоило Фишесу поднять руки, как раздробленные плоть и кости вновь срослись, и мертвецы поднялись обратно, и в их глазах зажглись неземные огни.

Шесть зомби, три скелета и четыре гуля поднялись и уставились на Фишеса. Он указал на север, в направлении ворот.

— Идите. Избегайте сражений, пока не дойдёте до трактира. Защищайте девушку. Убейте всех, кто причинит ей вред. Идите.

Фишес провожал нежить взглядом, пока она бежала к баррикаде, проносясь мимо изумлённых защитников. Он криво усмехнулся и вынужден был сесть, когда его настиг откат заклинания.

— Ну и ну. Похоже, я слишком увлёкся этой девушкой. На свою же беду.

Он рассмеялся и поднял глаза к небу.

— Что ж. Это символический поступок. Он не будет иметь большого значения. Не тогда, когда...

Его голос прервался. Фишес безучастно уставился на нежить, сражающуюся со Стражей. Он был [Некромантом]. Он чувствовал, сколько нежити было в городе и за его пределами, о чём он старательно умалчивал.

Через мгновение он снова улыбнулся и встал. Кровь мучительно пылала в его венах, его тошнило, он был измотан. Даже зелья ему не помогут, но нежить всё равно падала, когда он методично уничтожал её.

Фишес смеялся, глядя, как мертвецы падают вокруг него, не обращая внимание на цену. Они умрут. Все они. Немногочисленные живые стражники и горожане не смогут сдержать натиск нежити, как не сможет выжить и Эрин. Он рассмеялся и снова бросил взгляд на небо, возможно, в последний раз.

— Ах, до чего же прекрасная ночь, чтобы умереть!

Он взмахнул рукой, и группа зомби рухнула. Он указал пальцем, и мертвецы умерли окончательно. Но они продолжали прибывать. И прибывать.

И прибывать.

— О боже. Что это?

Эрин смотрела вниз на белую фигуру, двигавшуюся к ним. Каждый раз, когда она подтягивала себя ближе, становились различимы всё более ужасающие детали. Сначала это была просто белая фигура, тошнотворный слизняк. Потом он превратился в слизняка с руками, а затем... в какое-то существо. Но потом она разглядела, что его кожа была не кожей, а мёртвой плотью, скреплённой воедино. Затем она увидела растянутые по нему лица и...

Нежить побежала к антинумам. Маленькая армия Шкуродёра. Они падали в огромную траншею, ломая себе кости и выбираясь наружу только для того, чтобы Рабочие пинками загнали их обратно.

Их было не так много. Около сотни. Или меньше. Так сказал Кнайт, словно этого не было достаточно, чтобы их просто завалило трупами. Большая часть нежити двинулась обратно к городу. Но существо продолжало ползти к ним, волочась по траве.

Оно оставляло за собой блестящие куски своего тела. Куски мёртвой кожи. Это ужасало Эрин больше всего на свете.

Но она должна сражаться. Эрин схватила банку с кислотой и бросила её в Повелителя Склепа. Массивный, раздувшийся монстр завизжал и ударил себя когтистыми руками. Но кислота разъедала его кожу, за считанные минуты расплавляя внешние части огромного существа.

Это была её роль. Эрин стояла у дверей своего трактира, бросая банки с кислотой, кастрюли, сковородки, ножи – всё, что могла. Одна сковорода лежала рядом с ней в качестве последнего оружия, а большинство стульев она уже давно сбросила с холма.

Это работало. Работало. Мёртвые заполняли траншеи, но они ещё не прорвались через Рабочих. Это работало...

Шкуродёр достиг подножия холма, на котором находился трактир. Он поднял голову и посмотрел вверх. Два багровых глаза сверкнули, и внезапно Эрин познала страх.

Ужас.

— Нет... нет.

Глаза Шкуродёра сверкали, глядя на неё в лунном свете. Его взгляд коснулся Эрин и удержал её. Он поймал её и заставил почувствовать страх, превосходящий всё, что она знала. Она была беспомощна.

Она дрожала. Эрин охватил ужас, чистейший, дистиллированный ужас, который парализовал каждую частичку её тела. Багровый взгляд был смертью. Её смертью.

Она не могла даже пошевелиться. Она не могла даже закричать.

Эрин почувствовала, как её дёрнули. Кнайт схватил её и потянул назад, к дверям трактира. Он толкнул её внутрь, и она пошатнулась, частично освободившись от пристального взгляда Шкуродёра.

— Это существо вызывает нечто, похожее на страх. Пожалуйста, отойдите назад. Мы с этим справимся.

Эрин уставилась на Кнайта. Она беззвучно открывала рот.

— Я...

Она хотела сказать, что продолжит сражаться. Но не смогла. Она выглянула наружу, и Шкуродёр уставился на неё. Он ухмылялся своим беззубым, пустым ртом, представляющим из себя зияющую дыру. Она застыла, а Кнайт загородил дверь своим телом.

— Оставайтесь за мной.

Нежить двинулась вперёд, как единое целое. Рабочие встретили их, когда они пытались перепрыгнуть ров, но мертвецам не удалось это сделать, и они оказались сброшены вниз. Несколько зомби смогли утащить одного Рабочего в яму, где он исчез под грудой обесцвеченных конечностей. Но оборона держалась.

Держалась.

Шкуродёр на секунду отвёл взгляд от трактира. Казалось, он рассматривал траншею, а затем вновь перевёл взгляд на трактир. На мгновение Кнайт задумался о том, что произошло. А затем ряды мертвецов попятились, и вперёд выступило более крупное существо.

Повелитель Склепа встал на противоположной стороне рва. Но он – или когда-то она – не пытался перейти на другую сторону. Вместо этого Повелитель Склепа начал плевать, посылая огромные струи чёрной крови в Рабочих.

Несколько Рабочих метнули своё оружие, но оно отскочило от толстой обесцвеченной кожи. Монстр плевался в них кровью, и Рабочие безуспешно пытались прикрывать лица руками.

Внезапно ров стал уже не преградой, а помехой. Антиниумы не могли перебраться через него, чтобы сразиться с Повелителем Склепа, и были вынуждены отступать, пока тот отравлял их.

Кнайт наблюдал, как двое Рабочих упали, свернувшись в клубок, убитые ядом. Он смотрел, как нежить кишела в траншеях и на другой стороне. Он вздохнул.

Шахматы были вовсе не похожи на битву. Было некоторое сходство, и класс [Тактика] повышал уровень от шахмат. Но он не учил сражаться. Он не учитывал непредсказуемость. Шахматы были прекрасной вещью. Но битва...

Битва – это неопределённость.

— Ах. Увы.

Кнайт убедился, что его тело прикрывало дверь. Ставни в трактире были закрыты, и второй этаж был отгорожен. Однако нежить по-прежнему могла проникнуть внутрь. Он сделал жест и повысил голос.

— Сомкнуть ряды.

Рабочие отступили назад, образовав стену вокруг трактира. Их осталось чуть больше двадцати, некоторые были ранены, многие – без оружия. Однако они уже научились сражаться. Они не

собирались легко умирать.

Кнайт слегка повернул голову и увидел, что Эрин всё ещё смотрела на нежить, собравшуюся вокруг рва. Её лицо было бледным. Он попытался улыбнуться, но всё, что у него получилось, – это слегка приподнять мандибулы. Что бы сказал Паун в такой момент? Что нужно было сказать?

— Пожалуйста, оставайтесь внутри. Здесь вы будете в безопасности.

Она попыталась что-то ответить. Но взгляд Шкуродёра парализовал её, лишил слов. Кнайт закрыл дверь и прижался к ней спиной.

Двадцать Рабочих. Сотня оживших мертвецов. Шкуродёр. Они будут держаться изо всех сил. Так долго, как только смогут.

Пока не перестанут двигаться. Пока они не умрут. Каждый Рабочий был решительно настроен погибнуть, взяв с врага максимальную цену. Это было просто. Кнайт только хотел... он желал...

Он только желал, чтобы этого оказалось достаточно.

Рагс сидела на вершине холма и наблюдала. Но не за Лискором. Он падёт или сгорит. Для неё он не имел никакого значения.

Вместо этого она наблюдала за небольшим холмом, на котором происходило движение. У Рагс были хорошие глаза. Даже в ночи она могла видеть Рабочих, сражавшихся с нежитью. Она так же хорошо умела считать. Вот почему, несмотря на то что всё её племя сидело с ней на холме, она не приказала им выдвигаться.

Это был разумный выбор. Все части Рагс были с этим согласны. Кроме Шкуродёра, ужасающего монстра, вселявшего страх в её сердце, нежить была слишком многочисленна, слишком смертоносна. Гоблины плохо умели убивать уже мёртвых существ, и, даже если бы они присоединились к Рабочим, их бы превзошли мертвецы. Проигрышная битва. Так зачем сражаться?

Все части Рагс согласились с её выбором, даже если не все из её племени его разделили. Напуганная и жалкая гоблинская часть её души велела ей бежать. Холодная часть, принадлежавшая [Тактику], говорила ей, что битва будет проигрышной. Рагс это знала. Но другая её часть болела.

Это была маленькая часть. Она не была ни практичной, ни особо полезной. Она знала, что другого выбора нет. Но ей было больно. И это отвлекало гоблиншу от наблюдения за битвой.

Рагс рассеянно подняла руку и сжала собственную плоть. Нет. Боль не прекращалась. Она знала, что ничего не сможет сделать. Так зачем пытаться.

Гоблин рядом с Рагс заёрзал. Он хотел спуститься туда, но один её жёсткий взгляд – и он перестал ёрзать. Она была Вождём. Она решала. И она решила не вмешиваться. Это было логично.

Ей просто хотелось, чтобы одна её часть перестала болеть.

Рагс снова коснулась своего сердца. Она ничего не могла сделать. Ничего, кроме как наблюдать. Она будет смотреть до конца.

Это было всё, что она могла сделать.

Кнайт стоял напротив дверного проёма, широко раскинув руки, упираясь всем своим весом в дерево позади себя. Его ноги подкосились. Но он отказывался падать.

Нежить прорвалась через ров. Они добрались до самого трактира, и именно там Рабочие дали свой последний бой.

У них всё шло хорошо. Достаточно хорошо. Одиноким Повелитель Склепа пал, забрав с собой пятерых Рабочих. Но оставшиеся Рабочие сражались вместе, защищая трактир, позволяя своим сильным телам принять на себя основную тяжесть атаки, чтобы защитить хрупкое дерево.

Они учились. Несколько коротких минут – или же часов – битвы сделали их сильнее. Они методично сражались, применяли оружие, чтобы убивать и охранять. Они держались.

Вот только мертвецы были неумолимы. Они сгрудились вокруг двери трактира в поисках входа.

Путь им преграждал Кнайт. Он принимал на себя удары мечей и когтей, даже не пытаясь блокировать. Он всё равно не мог пошевелить руками. Ему нужно было просто прикрывать дверь. Достаточно просто. Просто. Но так тяжело.

По его бокам стекала зелёная кровь. Ему было холодно. Его резали ножами. Его кололи. Группа нежити набросилась на него, нанося удары, кусая.

Другой Рабочий сбросил с него зомби. К нему присоединились ещё двое, и они смяли остальных, ломая их, разбирая на части, словно здание или тушу для разделки.

Кнайт попытался пошевелиться, но почувствовал, как опускался на землю. Это плохо. Он должен стоять. Он должен стать щитом. Рыцарем. Он двигался в форме буквы L, но в его имени таилось большее. Он был защитником. Защитником невинных. Она говорила ему об этом. Он запомнил. Он помнил всё.

Один из Рабочих остановился перед Кнайтом. Кнайт силился вспомнить его имя. Гарри? Да, Гарри. В честь Гарри Каспарова, одного из величайших гроссмейстеров всех времён. Хорошее имя.

Гарри стоял рядом с Кнайтом, пока остальные их прикрывали. Он произнёс:

— Ты умираешь.

Кнайт больше не чувствовал своего тела. Но он все ещё мог видеть. Зелёная кровь... его кровь окрасила землю.

— Да.

Это был бессмысленный комментарий. Он напрягся, чтобы задать более важный вопрос.

— Она в безопасности?

— Да.

— Хорошо.

Больше нечего было сказать. Перед глазами Кнайта становилось всё темнее. Но он изо всех сил старался стоять, чтобы заблокировать дверной проём собственным телом ещё хоть немного. Это было важно. Он прокрипел Гарри:

— Защити её.

Рабочий кивнул.

— Конечно. Пока мы не погибнем.

— Хорошо.

Мир становился всё темнее. И холоднее. Но Кнайту было всё равно. Он просто хотел снова сыграть партию в шахматы. Он был уверен, что стал лучше. И если... если она будет жива, может быть, она будет помнить. Он любил играть с ней. Каждый раз, неважно, как их было

мало, как коротки они ни были.

Он хотел бы сыграть ещё одну партию. Он начал бы с Северного гамбита, рискованно, но он надавил бы на неё так сильно, как только мог. Просто, чтобы услышать, как она смеётся от восторга или хвалит его. Если бы он мог сыграть ещё одну партию в этом тёплом зале – это было бы совершенным блаженством, если бы...

Кнайт не закрывал глаза. У него не было век, которые можно было бы закрыть. Но он застыл, и что-то покинуло его. Другие Рабочие не обратили на это внимания. Они сражались, истекая кровью, сдерживая врага. Только один разумный заметил это среди мёртвых и живых. Только одному разумному было не всё равно.

Эрин.

Они умирали. Эрин сидела в своём трактире и слышала это. Она знала это. Они умирали.

Все они.

Рабочие сражались снаружи, так близко, что она могла слышать их разговоры. Это были короткие фразы, которые вырывали куски из её сердца.

— Я упал.

— Мне оторвало руку.

— Продолжайте без меня. Защитите её. Пожалуйста.

Бесстрастные интонации. Но не бесстрастные слова. Она слышала, как они падали и умирали, умоляя других продолжать сражаться. Защищать. Защищать её.

Это было большее, чем всё остальное. Сильнее, чем боль от ножевых ранений, сильнее, чем любая другая физическая боль. Но она не могла пошевелиться. Она была прикована к месту не в силах что-то сделать, кроме как спрятаться.

Спрятаться в трактире, пока её друзья умирали.

Она не знала их имён. Она забывала их по мере того, как они говорили. Но она знала их. Она играла с каждым из них в шахматы. Учила их. Клбкч и Паун приводили их бесчисленное количество раз, и Эрин знала каждый их ход в шахматах.

И они умирали. Ради неё.

Она попыталась пошевелить ногами. Они дрожали, упираясь в деревянный пол, отказываясь держать хоть часть её веса. Её руки были такими же.

Они умирали. Она должна была что-то сделать.

Эрин схватилась за сковороду, но затем выпустила ручку. Она закрыла уши руками и свернулась калачиком. Она боялась.

Боялась.

Страх был всепоглощающим. Это было даже не осознанное чувство, с которым Эрин могла бороться. Это было как базовая математическая аксиома, неизменная часть вселенной. Если она будет бороться, если она попытается бороться, она умрёт. Она не сможет преодолеть это.

Но она всё ещё могла двигаться. Эрин чувствовала это. Она могла бежать. Рабочие защитят её. Если она побежит...

Что-то в Эрин восстало против этой мысли. Бежать? Бежать, пока они умирали за неё?

Это был единственный разумный выбор. Но они умирали. За неё. И это делало бегство неправильным.

Даже если это спасёт её? Нет. Это было невозможно. Они все были в ловушке. Нежить повсюду. Эта тварь приближалась. Бегство было лишь более медленной смертью.

Эрин вздрогнула. Она услышала последние слова Кнайта. Они резали её, вырывая куски из её души. Она хотела бы двигаться. Хотела бы...

Её нога дёрнулась и ударилась о стол. Эрин услышала, как что-то грохнулось на пол, и вздрогнула. Она посмотрела вниз.

В лунном свете что-то покатилося рядом со стулом и остановилось. Эрин уставилась на это.

Она увидела шахматную фигуру, лежащую на полу. Это была сломанная фигура коня, дрейка, держащего меч и щит, только кто-то сломал её так, что остались только ноги и основание.

Эрин медленно наклонилась, чтобы поднять её. Она взяла шахматную фигуру в руку и ощупала острые края.

Девушка поставила её на доску. Она уставилась на две стороны, белую и чёрную, залитые красным светом глаз Шкуродёра. Её сердце было наполнено страхом. Её разум был сломлен ужасом. Но её душа кричала о смерти её друзей.

Рука Эрин шевельнулась. Она толкнула вперёд фигуру белой пешки. Она колебалась, а затем переместила чёрную пешку на две клетки вперёд.

Пешка на E4. Пешка на E5. Следующих ход сделал Слон на C4. Классический дебют.

Эрин медленно начала играть. Это было неправильно. Это было неправильно, когда Рабочие истекали кровью и погибали. Но она всё равно играла, на автомате, на чистом инстинкте.

Фигуры двигались механически. Эрин играла, а время вокруг неё замедлялось. Время остановилось. Время...

Время было странной штукой. Иногда оно не имело значения, а иногда было важнее всего остального в мире. Для Эрин время всегда исчезало, когда она играла в шахматы. Вот почему навык, который она получила, был таким подходящим.

Такая глупая вещь. Бесполезная вещь. Он делал одно мгновение длиннее. Это было полезно, но не более того. Он превращал секунду в вечность. Он не мог двигать горы, дарить удачу или делать что-то ещё.

Он просто делал мгновение бессмертным. Поэтому Эрин играла. Она играла, пока нежить убивала её друзей, а взгляд Шкуродёра касался её сердца. Она играла.

В бессмысленную игру. Бесполезную игру. Она проиграла сама себе, сохранив половину фигур на доске. Но это было неважно. Эрин расставила фигуры по новой и снова стала играть, безрассудно передвигая фигуры.

Дело было не в шахматах. Дело было во времени. Каждую секунду страх проникал в её разум, всегда присутствуя, всегда находясь там. Он был частью неё самой и частью бесконечных игр, в которые она играла. Снова. И снова. Играла, всегда играла, пока страх и жизнь не стали одним и тем же.

— Король умён и думает наперёд. Ведь если он двинется, то скоро умрёт.

Эрин снова пробормотала эти слова. Она вспомнила свой сон и уверенность в нём. Мёртвый Вождь Гоблинов. Кровь. Запах масла.

Смерть и жестокость.

Если бы она была королём, движение, борьба привели бы только к её страданиям. И к смерти. Она потеряла друзей, потому что сражалась. Но она потеряет их снова, если ничего не предпримет.

— Если он двинется, то скоро умрёт.

Но так оно и было. Кто-то умирал, даже если король оставался жив. Король был эгоистичным придурком, позволяя другим страдать вместо него. Рука Эрин переместилась к королю и медленно опрокинула его.

— Я не король.

Эрин встала. Страх всё ещё пребывал в ней, всё ещё грыз её, всё ещё пытался удержать её на месте. Но теперь он стал частью неё. Он всё ещё пытался парализовать её мысли, но теперь он был старым. И было нечто более важное, чем страх. Важнее, чем боль или смерть.

— Я - королева. И это мой трактир.

Сколько минут прошло? Сколько секунд? Казалось, что прошли годы, но битва всё ещё продолжалась. Единственное отличие заключалось в том, что Эрин теперь могла двигаться. Она схватила сковороду, но затем остановилась.

Эрин медленно направилась на кухню и вернулась с огромной стеклянной банкой. Это была одна из тех больших банок, в которых она хранила основную часть кислоты кислотных мух. Она медленно толкнула дверь и увидела лежащего перед ней Кнайта.

На мгновение Эрин вздрогнула. Банка зашаталась в её руках, но она смогла её удержать, а затем огляделась.

Мёртвые были повсюду. Но внизу холма стоял Шкуродёр и смотрел вверх. Он командовал ходом битвы. Как генерал. Как король.

Эрин предполагала, что это делало её вторым королём. И это был шах. Что ж. Она повысила себя до королевы.

Шкуродёр уставился на Эрин. Багровый взгляд приковал её к месту, посылая нити ужаса в её сердце. Но она к этому уже привыкла. Это был старый трюк. Она подняла банку с кислотой.

— Ну давай, ублюдок!

Её голос эхом разнёсся с вершины холма, прорезав звуки битвы, как гром. Эрин удивилась, но вспомнила, что у неё есть Навык. [Громкий Голос].

Шкуродёр не моргнул. Он не мог. Но, насколько могла судить Эрин, он выглядел удивлённым. Его взгляд сместился в сторону, и она почувствовала, как нежить двинулась к ней. Рабочие преградили путь мертвецам.

Банка с кислотой покачивалась в её руке. Тяжёлая. Без навыка [Малая Сила] она едва ли смогла бы её поднять. Но она поставила её на одно плечо, а затем бросила в воздух, словно гигантское ядро, которое бросают олимпийцы.

Светящийся зелёный снаряд полетел вниз по склону к лицу Шкуродёра, словно стрела. Он поднял руку, но слишком медленно. Банка разбилась, и зелёная жидкость залила гигантское чудовище.

Кислота покрыла лицо и тело Шкуродёра. Он завизжал. От высокочастотного звука у Эрин заныли зубы, а антениумы зажали ладонями ушные отверстия. Но он не умер. Он рвал свою плоть, сдирая слои кожи. Затем посмотрел на Эрин и опять завизжал.

Мертвецы заполонили вершину холма, и Шкуродёр, визжа от ярости, потянул себя к Эрин, упираясь руками в почву и землю.

— Ну давай!

Эрин стояла на вершине холма, подняв сковороду, пока Рабочие окружали её. Её кровь пылала. Её сердце болело. Но она продолжала бороться.

Шкуродёр уставился на неё. Эрин уставилась в ответ. Ни один из них не моргнул. Он был её целью. Она продолжит сражаться, пока он не умрёт.

Она не остановится. Она будет продолжать, невзирая на страх или смерть.

До того момента, когда он не перестанет двигаться. До её последнего вздоха. Пока её друзья не будут в безопасности. Или пока все они не будут мертвы.

До самого конца.

Мертвецы бросились на Эрин, и она, вскинув сковороду, ударила первого зомби достаточно сильно, чтобы выбить ему все зубы. Тьма сместилась, и мёртвые были повсюду.

Повсюду.